

ПОЭТ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

К 100-летию со дня рождения А. А. Блока

СТО лет прошло со дня рождения Александра Александровича Блока и почти шестьдесят лет после его смерти. Мир за это время неузнаваемо переменялся. И Блок предвидел эти «неслыханные перемены, невиданные мятежи». Он предвидел и предсказывал революцию — социальную и научно-техническую, предвидел испытания, которые выпадали на долю людей XX века, предвидел и «неведомые нам строительные начала».

С неповторимой проникновенностью Блок запечатлел конкретнейшие приметы своего времени, бытовой и психологический ландшафт начала нашего столетия в России. Но, со всем этим, он был художником таких глубоких обобщений, что «по Блоку» можно судить и о нынешней жизни буржуазного общества. Мало этого. Типология человеческого существования, как ее выразил Блок, в некотором — наиболее общем — смысле «пригодна» не на один век.

Как известно, трехтомное собрание его стихотворений складывается в своего рода «лирический роман»: юность — молодость — зрелость. Или иначе: безмятежность — падение — искупление. Блок называл его «трилогией человечения» и в ней отразил обычную в любой почти жизни «триаду»: юношеская чистота и романтическая возвышенность представлений; сложность и мучительность столкновения с реальностью; поиски истинного пути и выход на дорогу подлинной, исторической действительности. Каждому, наверно, приходилось сталкиваться с тем, что мечтательные подростки любят больше всего «Стихи о Прекрасной даме», двадцатилетние — «Снежную маску», «Фанну», «Страшный мир», а люди зрелых лет — «Арфы и скрипки», «Стихи о России».

Центральный образ блоковского «романа» — предреволюционная и революционная Россия. За такими стихами, как «Новая Америка», «На железной дороге», «Петроградское небо мутилось дождем», «Коршун», — эпоха и народ. Блок создал олицетворенный образ России, и теперь мы с юных лет привыкаем видеть блоковскую Русь чуть ли не воочию:

А ты все та же — лес,
да поле,
Да плат узорный до бровей.

Этот образ породило особое чувство, о котором он сам писал: «Россия для меня — все та же — лирическая величина». Ему казалось, что «помимо территории, государственной церкви и пр., ... есть это великое, необозримое, просторное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем Руси». Для Блока это было «реальное понятие», и он поведал о современной ему России с такой болью и любовью, с такой образной характерно-

стью, с такой живой и личной интонацией, так много рассказал о ней, что вырвался далеко вперед из пределов символизма — литературного течения, чьей ахиллесовой пятой были отвлеченность, условность, уход от непосредственной реальности.

В пору творческой зрелости Блок ненавидит «проклятие отвлеченности» и отлично понимает, что «...весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность, не только типичное, но и характерное». К характерному и типичному он стремится и приходит уже во втором томе своего «лирического романа», восприняв самый факт более тесного соприкосновения с действительной жизнью как событие огромной внутренней значимости. И своеобразие его как художника коренится в том, что любви (казалось бы, случайный) цитрих обыденной жизни воспринимается им с непомерной интенсивностью и ведет к грандиозным обобщениям. Его лирическая тема всегда больше тех житейских подробностей, из которых она вырастает, хотя без них — отвлеченно — она не звучит. И получается, что простая жизнь полна глубокого смысла. Проголосова на окраину диктует «Незнакомку»; обмен взорами с молодой женщиной — «В ресторане»; развезд по домам на рассвете от цыган — «Седое утро». Эти стихи, взятые сейчас только для примера, исполнены «сочности, яркости, жизненности, образности» — и, вместе с тем, современники недаром усматривали в них «присутствие бесконечного», сего, между прочим, что будущие поколения (то есть мы) этого не поймут.

Мы действительно не принимаем и даже просто не замечаем того мистического смысла, который часто вкладывал в свои стихи великий романтик. Он считал, что его поэзия ведет «от реального к реальному», прорезает некие космические закономерности, отражением которых являются и судьбы человечества, и его, Блока, личная судьба. Но мы недаром соотносим его стихи с коренными явлениями века. К десяткам летам устремления Блока «от реального к реальному» становились все свободней от сосредоточенности на превратностях собственных блужданий «из света в сумрак».

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне), —

вот какие сближения характерны для него в этот период. В зрелой лирике Блока претворялось историческое и эпохальное, раскрывались две

России — народная и верхушечная, здоровая и больная.

В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза
привольной Руси
Блестели строго
с почерневших лиц...
Это совсем не то, что

Живые спят, мертвец
встает из гроба
И в банк идет,
и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее,
тем чернее злоба.
И перья торжествующе
скрипят.

В первопечатном варианте знаменитого стихотворения «Россия» в центре был образ крестьянской девушки:

Вон там, где загляделась
хата
С обрыва желтого в ручей,
Там дочь твоя в огне заната
Стоит, накрывшись
до бровей.

Она пред встречным
опускает
Глаза лунавые свои,
Едва дрожа, плечо качает
На коромысле две бадьи.

Ручей бежит, бурля
и пенясь
Взглянула — взором
обомгла,
Мы поравнялись —
подбоченясь,
Как лебедь, плавно
прочь пошла.

Стоит сравнить эту дочь России с «трагической актрисой» из «Вольных мыслей»:

Я вся усталая. Я вся
больная.
Цветы меня не радуют.
Пишите...
Простите и сожгите
этот бред...

Неизменно противопоставляя народный характер — буржуазному, Блок подошел

к революции; к созданию поэмы «Двенадцать».

В 1919 году он написал в дневнике о своих стихах: «...в них — одно лучшее, другое — хуже, а третье и вовсе без значения, без окружающего. Но какое освобождение и какая полнота жизни (насколько доступной была она): вот — я — до 1917 года, путь среди революций; верный путь».

Но «Двенадцать» естественны и органичны для Блока не только в перспективе общего его духовного пути — «пути среди революций», пути от юношеских возвышенных мечтаний, через демонические «падения», к действительности, к народу и родине. Великая поэма неотделима от наиболее устойчивых лирических мотивов Блока. Мы встречаем здесь образы снежной выюги и востра, противостоящих спокойствию и застою; ночного города — вместилища трагических противоречий и столкновений; женщины, олицетворяющей «беззаконную» игру страстей; ее возлюбленного — жертву этой стихийной игры, осчастливленного и истерзанного ею. Наконец, мы встречаем здесь людей из народа, здоровых, сильных, чистых в любом «грехе», потому что и в этом они противостоят мертвенной мещанской «цивилизации», лишённой «духа музыки».

Все это, заветное для Блока, обновлено и преображено в поэме неповторимым воздухом зимы 1918 года. Герои «Двенадцати», как никогда, социально конкретны и определены. Их стихийность не беспредметна. Она уходит корнями в народную почву в той мере, в какой сама революционная рабоче-крестьянская масса была еще носителем духа стихийного бунтарства. Над всем преобладает ощущение, что остался «только — полет и порыв, лети и рвись, иначе — на всех путях гибель»; все заглушающий «шум от крушения старого мира»; огромная радость, что «все догматы расшатаны, им не вековать».

Катя и Петруха — средоточие той «бури страстей огневой», которую Блок всегда ощущал как явление высшего порядка. Их бурная любовь связана с революционной бурей отнюдь не внешним образом. Ветер — на всем божем свете. Мировой пожар — в крови. На авансцену жизни вышли люди сильных страстей, огненного темперамента; люди свежего, неистраченного запаса чувств вышли на смену «приват-доцентским женам и благотворительным дамам в приличных кофточках».

Так увенчалась тема России, тема эпохи в поэзии Александра Блока. Жизнь его — «высокое зрелище» борьбы поэта — идеалиста и романтика за действительное познание жизни, за действительное участие в ней на стороне ее лучших сил.

На недавней Всесоюзной творческой конференции писателей в Баку Александр Блок был назван серебряной звездой русской поэзии. Эти слова были подхвачены. Его, поэта России, знает и любит вся наша огромная многонациональная страна. Его знает и любит Азербайджан, где Блок неоднократно переводился и издавался. Его знают и любят, как великого лирика, как пронизательного мыслителя, как знатока человеческой души, как художника, который призывал «всем сердцем, всем сознанием слушать Революцию». Тем он и дорог сегодня всем нам.

В. ПОРТНОВ.